

предметно-практической (принцип целесообразности). Развивая идею Канта об эстетическом как субъективной деятельности, лишенной практических интересов, Ф. Шиллер характеризует эстетическое как игру духовных и физических сил человека, в которой он реализует себя как целостная гармоничная и свободная личность. Г. В. Ф. Гегель выводил эстетическое из деятельности объективного духа, из его имманентной способности созерцать абсолютную идею в ее чувственной форме. Отсюда вытекает объективность эстетического и его надприродный характер. Интересен подход Чернышевского, который связывает эстетическое с родовой сущностью человека, ибо прекрасное связано с понятием человека о достойной жизни. Классический западный подход 19 века — подход К. Маркса — можно назвать социальным, ведь человек — социальное существо, и эстетические чувства человека возникают в процессе общения между людьми.

Современная эстетика интересна тем, что область эстетического не ограничена только категорией прекрасного; активно используются категории безобразного, низменного, трагического. Если в истории эстетики категория безобразного понималась то как момент комического (Аристотель), то как бесформенность, зло (Средневековье), то как полная противоположность прекрасного (классицизм), то, начиная, по сути, с романтизма, безобразное превращается в положительную эстетическую ценность. Это стало принципом для многих направлений авангарда, да и сейчас многие авторы перформансов и хэппенингов обращаются к проблеме уродливого, безобразного, дисгармоничного, гротескного в своих работах.

Таким образом, эстетическое мыслится как одна из универсалий культуры. И, хотя эстетическое исторически вариативно, любая эпоха обращается к нему, ведь искусство — самосознание культуры. Поэтому мы и говорим о таком понятии, как «эстетическая культура» — культура, которая характеризует состояние общества с точки зрения его способности обеспечивать развитие искусства и эстетических отношений. Ядром эстетической культуры является искусство как деятельность, порождающая и объективирующая художественные и эстетические ценности.

Т. Г. Стоцкая
Самара

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Одной из самых актуальных и широко обсуждаемых в гуманитарных дисциплинах является проблема определения статуса со-

временной науки, ее потенциала или его отсутствия. Решение данной задачи неизбежно приводит к реконструкции понятия «рациональность». Именно оно лежит в основе демаркации научной картины мира от других, например, от мифологической или религиозной. Поэтому в научной среде уже давно происходит переосмысление понятия рациональности в соответствии с требованиями современной научной практики. Вопрос о природе рациональности — не чисто теоретический, но и жизненно-практический. Связан он с нарастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации, двигателем которой является наука. «Кризисы, порожденные технотронной цивилизацией, и прежде всего экологический — вот что в конечном счете стоит за сегодняшним столь широким интересом к проблеме рациональности», — отмечает П. Гайденок [1, С. 3]. Кроме того, в эпоху постмодернистской культуры, заявляющей о разрыве с культурой классической, происходит процесс, с тревогой наблюдаемый философами: «Интернет, телевидение отвоёвывают сознание человека, переопределяя его в противоположном к классической рациональности направлении» [2, С. 20].

Ведущиеся дискуссии (как академического, так и публицистического уровней) не только не прояснили и не уточнили понятие рациональности, но, напротив, привели к тому, что совершенно неопределенными стали и само понятие, и основания для его уточнения. При всем многообразии подходов в трактовке рационального можно условно выделить три ведущие традиции: классическая интерпретация рациональности, методологический и социокультурный подходы. В современной методологии науки (как западной, так и отечественной) предлагается и обосновывается целый спектр значений рациональности: закрытая и открытая, логическая, эмпирическая, нормативная, содержательно-научная и др.

Не без оснований науку можно все же определить самой совершенной формой рациональности, выражающей последнюю в наиболее рафинированном, полном и законченном виде. Рациональность предстает в науке одновременно основой, условием и способом познания. Она характеризуется по современным представлениям, во-первых, установкой на возможно более широкое, точное, адекватное постижение реальности. Эта установка составляет главный идейный стержень научной рациональности, без которого последняя просто теряет всякий смысл. Во-вторых, научная рациональность отличается целостным строением. Оно включает в себя не просто отдельные теории, понятия, идеи, принципы сами по себе, а их системы, которые выступают основаниями накопления, описа-

ния и понимания изучаемых явлений. Так, выделяются мировоззренческие основания научного исследования (научная картина мира, философские идеи и принципы), логико-гносеологические идеалы и нормы познавательной деятельности, формы и способы организации знания, методологические средства, регулятивные принципы, процедуры и критерии удостоверения результатов познания и некоторые другие [3, С. 706-707].

Содержание научной рациональности исторически изменчиво. Никаких абсолютных, универсальных типов научной рациональности не существует. Поэтому можно говорить лишь об *исторических типах* научной рациональности. Под ними подразумеваются системы логико-гносеологических, методологических и мировоззренческих правил, принципов, идей, которые формируются в ходе научного познания и закрепляются в виде конкретно-исторических норм научной деятельности [4, С. 17]. Иначе говоря, исторический тип научной рациональности включает в себе эталонные программы научного исследования, принятые как необходимые и естественные в соответствующих культурно-исторических условиях. Каждый исторический тип научной рациональности существует в единстве своих исторически неповторимых и одновременно универсальных, «сквозных» черт. К последним, проходящим через всю историю научного познания, относятся системность, доказательность, логическая строгость, концептуальность, рефлексивность, теоретичность, объективность результатов, интересубъективность.

Изменение и развитие научной рациональности обусловлено двумя группами факторов. С одной стороны, характером исследуемых объектов (предметная детерминация); с другой — социально-культурными и историческими условиями, в которых осуществляется научное познание. Именно в соответствии с ними у ученых формируются идеалы и всеобщие нормы познавательной деятельности. И это позволяет говорить о становлении нового исторического типа рациональности.

Исследование исторических типов научной рациональности выводит за рамки изучения и сопоставления научных теорий и предполагает рассмотрение ее философско-методологических предпосылок, в конечном счете — реконструирование того духовного контекста, той смысловой сетки, которая в каждую эпоху определяет человеческую деятельность и мышление. Эта сетка сопоставляет тот незримый общий фон, на котором наука, искусство и философия определяют свой неповторимый образ. Без выявления такого фона вряд ли возможно подлинное постижение того, что

мы сегодня именуем типом рациональности. Чтобы выявить специфические особенности научной рациональности, необходимо сопоставить ее с другими типами познавательного отношения к предмету, которые в конечном счете определяются способом бытия человека в мире, характерным для культуры того или иного исторического периода.

1. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3-13.

2. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 3-52.

3. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2000. 744 С.

4. Кизима В. В. Культурно-исторический прогресс и проблема рациональности. Киев: Наука Думка, 1985. 214 С.

5. Рациональность на перепутье. Т. 2. М.: Росспэн, 1999. 463 С.

Д. В. Телегин
Реймс, Франция

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Бросающаяся в глаза экспансия английского языка в современном мире, беспрецедентное возрастание его роли в качестве «глобального средства коммуникации» и оказываемый при этом социальный, экономический, политический и культурный двойственный эффект на те или иные сообщества, втянутые в сферу его влияния, требуют теоретического осмысления. Однако, уже сегодня становится очевидным, что в своем «глобальном» формате английский язык, функционирующий, чаще всего, в качестве средства «продвижения» материального развития и прогресса в «физическом» пространстве, одновременно выступает источником обеднения и регрессии в «ценностном» измерении. «Глобальный английский» оказывается при этом «лингвистическим двойником», источником «про-регрессии», а то и «динамического стазиса». Таким образом, возникают и концептуально оформляются две точки зрения, сразу же получающие развитие, с одной стороны, в теориях «лингвистической нейтральности» английского языка, а с другой — «лингвистического доминирования» [1].

Если бросить беглый взгляд на историю функционирования английского языка в социокультурном и политическом полях, а также, в экономической сфере на протяжении последнего столетия,